
ЛИТЕРАТУРА XVII–XVIII вв.

УДК 821.111

КОЛОСОВА Е.И.¹ ДЖОЗЕФ РИТСОН: АНТИКВАРИЙ, ПОЛЕМИСТ И ЗАБЫТЫЙ СОЗДАТЕЛЬ РОБИНА ГУДА. Рецензия на кн.: Basdeo S. [Басдео С.] *Discovering Robin Hood: the life of Joseph Ritson – gentleman, scholar and revolutionary* = Открывая Робина Гуда: жизнь Джозефа Ритсона – джентльмена, ученого и революционера. – [Barnsley] : Pen & Sword History, 2021. – 264 p. DOI: 10.31249/lit/2022.03.10

Аннотация. Английский литературовед и историк Стефен Басдео подготовил новую биографию Джозефа Ритсона. На основе эпистолярного наследия Ритсона, его критических заметок, а также свидетельств коллег по цеху биограф создает цельный образ английского писателя. Не концентрируясь полностью на личности Ритсона, Басдео рассматривает социальную и политическую ситуацию в Великобритании рубежа XVIII–XIX вв. и встраивает фигуру писателя в контекст современной ему культуры.

Ключевые слова: Джозеф Ритсон; Томас Перси; Уильям Моррис; Робин Гуд; баллада; менестрель; древняя поэзия; Великая французская революция; историческое прошлое.

Для цитирования: Колосова Е.И. Джозеф Ритсон : антикварий, полемист и забытый создатель Робина Гуда // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2022. – № 3. – С. 153–168. – Рец. на кн.: Basdeo S. *Discovering Robin Hood : the life of Joseph Ritson – gentleman, scholar and revolutionary*. – [Barnsley] : Pen & Sword History, 2021. – 264 p. DOI: 10.31249/lit/2022.03.10

---

¹ Колосова Екатерина Игоревна – младший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН.

KOLOSOVA E.I. Joseph Ritson: antiquarian, polemicist and revolutionary. Book review: Basdeo S. Discovering Robin Hood: the life of Joseph Ritson – gentleman, scholar and revolutionary. – [Barnsley] : Pen & Sword History, 2021. – 264 p.

Abstract. English literary critic and historian Stephen Basdeo has prepared a new biography of Joseph Ritson. The biographer creates a whole image of the English writer basing on Ritson's epistolary heritage, his critical notes and remarks as well as his colleagues' memoirs. Basdeo doesn't focus entirely on Ritson's personality, he shows social and political situation of the eighteenth and nineteenth centuries Great Britain, placing the figure of the writer in the context of his time and culture.

Keywords: Joseph Ritson; Thomas Percy; William Morris; Robin Hood; ballad; minstrel; ancient poetry; The French Revolution; historical past.

To cite this article: Kolosova, Ekaterina I. "Joseph Ritson: antiquarian, polemicist and forgotten creator of Robin Hood. Book review: Basdeo S. Discovering Robin Hood: the life of Joseph Ritson – gentleman, scholar and revolutionary", *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 3, 2022, pp. 153–168. DOI: 10.31249/lit/2022.03.10

Имя Джозефа Ритсона (Joseph Ritson, 1752–1803) знакомо далеко не каждому современному читателю. Он не был ни выдающимся поэтом, ни государственным деятелем, ни знаменитым критиком. Однако Ритсон заслуживает внимания хотя бы потому, что именно он сконструировал образ легендарного героя Робина Гуда таким, каким мы знаем его теперь, – благородным борцом за права бедняков.

В молодости Ритсон готовился к юридической практике, перенимая опыт у юриста по имущественным делам, но с юных лет питал неподдельный интерес к литературе. Особенно его привлекали ранняя поэзия, рыцарские романы и народные баллады. Юношеское увлечение вылилось в полномасштабные исследования истории британской литературы, открывшие английскому читателю неопубликованные прежде фрагменты древней поэзии. Ритсон был свидетелем крупных политических событий, которые сформировали его личность и мировоззрение: бунт лорда Гордона

в 1780 г. и Великая французская революция. Он прожил несколько месяцев в Париже 1791 г. и был очарован идеями незыблемых прав человека, свободной прессы и равенства всех граждан перед законом.

Современных работ, посвященных творчеству Ритсона, очень мало. Его имя упоминается в некоторых исследованиях средневековой литературы и английского языка [7], а также культуры романтического периода [6]. В 2018 г. Ж.Т. МакНат (Genevieve Theodora McNutt) защитила диссертацию «Джозеф Ритсон и публикации ранней английской литературы» [4]. На сегодняшний день ее работу можно с уверенностью назвать самым крупным исследованием трудов Ритсона.

Жизненный путь писателя изучен немногим лучше. Самую первую его биографию подготовил Дж. Хаселвуд [12] в 1824 г. Спустя без малого век, в 1916 г. появилась книга Х.А. Бёрда [2], а в 1938 г. вышла двухтомная биография «Джозеф Ритсон, воинствующий ученый» Б. Бронсона [3], дополнившая и расширившая работы предшественников. Хотя в начале книги Бронсон дал целостный очерк жизненного пути своего героя, существенное место в ней занимают тематические главы – о спорах Ритсона и Т. Уортона, об участии антиквария в обсуждении шекспировских текстов, о его полемике с Т. Перси, а также его юридической карьере. Кроме того, Бронсон стремился избежать «ошибки» своего предшественника Бёрда, показавшего Ритсона в своего рода вакууме [3, р. X], вне связи с эпохой. Он, напротив, хотел встроить фигуру Ритсона в контекст современного тому общества и культуры.

В 2021 г. вышла новая биография Ритсона, подготовленная Стефеном Басдео (Университет Ричмонд, Лондон), «Открывая Робина Гуда: жизнь Джозефа Ритсона – джентльмена, ученого и революционера» [1]. Подобно Бронсону, Басдео не сосредоточивается полностью на фигуре Ритсона, его интересуют социальные нормы, нравственные ценности и политические реалии конца XVIII в., сквозь призму которых он исследует жизнь писателя. Однако, в отличие от Бронсона, Басдео не рассматривает значимые эпизоды жизни Ритсона в отдельных главах, а анализирует их в рамках трех основных исследовательских нарративов: о социальном положении и репутации Ритсона; его профессиональной деятельности; его политических взглядах.

Основным источником Басдео стала переписка Ритсона, хотя в предисловии исследователь предупреждает, что письма не позволяют полностью восстановить жизненный путь антиквара, так как в его эпистолярном наследии обнаруживается много пробелов [1, р. XVIII]. Его племянник Фрэнк собрал бесценную коллекцию писем, но не включил в нее письма, адресованные Ритсону. Некоторые из них Басдео обнаружил в собраниях писем адресатов писателя и использовал в своем исследовании. Вместе с тем в жизни Ритсона были продолжительные периоды, когда переписка, как может показаться на первый взгляд, совсем не велась. Однако Басдео сомневается, что в эпоху, когда письма являлись одним из основных способов коммуникации, Ритсон мог подолгу пренебрегать перепиской [1, р. XIX]. По всей видимости, часть корреспонденции утрачена или не найдена до сих пор.

Практически полная библиография Ритсона содержится уже в работе Б.Х. Бронсона, и Т. МакНат удалось выявить всего несколько упущенных им рукописей, входящих в «Реестр рукописей, отправленных в читальный зал Британского музея» (*Register of manuscripts sent to the reading room of the british museum*). В этом отношении исследование Басдео новых материалов не предлагает.

Басдео создает цельный образ Ритсона на основе уже известных фактографических данных и эпистолярного наследия антиквара, которое оценивает весьма высоко: «...его [Ритсона] письма предлагают захватывающее повествование о том, как один человек довольно скромного происхождения оказался вовлеченным в основные события эпохи» [1, р. XXI].

Как было сказано выше, Басдео стремится сконцентрироваться на трех темах, важных для всей жизни писателя, и отказывается от хронологического принципа изложения, но помещает в начало книги хронологию жизни Ритсона, чтобы читатель не запутался в годах, именах и событиях. Впрочем, первые две главы биографии Басдео вполне традиционно отводит раннему периоду жизни Ритсона – вплоть до его переезда из Стоктона-на-Тизе в Лондон. Исследователь также рассматривает вопрос об авторстве подписанного буквой «Р» стихотворения «Покойная миссис Годд из Стоктона» (*The Late Mrs Todd of Stockton, 1771*), которое атрибутировано Ритсону в созданной Хаселвудом первой библиографии трудов писателя и, таким образом, является первым его опу-

ликованным текстом. Сопоставив стиль этого произведения со стилем первого подписанного именем Ритсона стихотворения «Рассказ моего двоюродного брата» (*My Cousin's Tale*, 1771), Басдео приходит к выводу, что включение этого произведения в ритсоновскую библиографию вполне правомерно.

Ритсону не было суждено стать знаменитым поэтом. Куда большего успеха он добился в изучении ранней и средневековой английской литературы. Басдео не считает целесообразным подробно анализировать литературную ценность его собраний старинных баллад (этой теме посвящена диссертация Т. МакНат), в большей степени биограф интересуется неоднозначная репутация Ритсона в литературных кругах, ставшая предметом рассмотрения в третьей главе.

Изучая историю родной литературы, писатель неоднократно вступал в споры со своими коллегами. Сами по себе литературные полемики были в XVIII в. распространенной практикой, однако манера Ритсона вести дискуссию отличалась от общепринятой. Он не стеснялся иронизировать по поводу идей оппонентов, а иногда ставил под сомнение их профессиональные навыки. Именно в этом Басдео усматривает основную причину плохой репутации Ритсона и его последующего забвения.

В Англии начала XVIII в., когда политическое влияние переходило от королевского двора к зажиточному среднему классу, вырабатывались новые законы поведения в обществе. На страницах журналов «Татлер» (*Tatler*) и «Спектейтор» (*The Spectator*) создавалась «городская, космополитическая идеология моды» [1, р. 63], первыми теоретиками которой стали Джозеф Аддисон (*Joseph Addison*, 1672–1719) и Ричард Стил (*Richard Steele*, 1672–1729), чьи работы Ритсон хорошо знал. «Новый кодекс» поведения [*ibid.*], с одной стороны, имел своим источником аристократические манеры XVII в., а с другой стороны, значительно сократил классовое неравенство: «...любой, к какому бы классу он ни принадлежал, будет желанным гостем в зарождающемся новом приличном обществе, пока он старается быть любезным» [*ibid.*]. Но Ритсон игнорировал правила, предписывающие смягчать тон высказываний. Сохраняя верность научным фактам, он был весьма прямолинеен и указывал на любые недостатки трудов оппонентов,

даже самые незначительные. Такое поведение не могло позитивно восприниматься английским научным сообществом XVIII в.

Объектами критики антиквария становились в разное время Томас Перси (Thomas Percy, 1729–1811), Джон Пинкертон (John Pinkerton, 1758–1826), Джордж Стивенс (George Steevens, 1736–1800) и другие представители английской интеллигенции. Самым продолжительным оказался спор Ритсона с Перси, который разгорелся в 1790 г. после публикации ритсоновского собрания «Древние песни и баллады: от времен короля Генриха II до революции» (*Ancient Songs and Ballads, from the Reign of King Henry the Second to the Revolution*, 1790). Собрание предваряли «Рассуждения о древних английских менестрелях» (*Observations on the Ancient English Minstrels*), в которых Ритсон раскритиковал идеи, высказанные Перси в «Эссе о древних менестрелях в Англии» (*An Essay on the Ancient Minstrels in England*). Ритсон полагал, что исследование французских менестрелей, трубадуров, труверов или скандинавских скальдов может опираться на упоминания о них в древних памятниках и источниках. От английских же менестрелей осталось лишь «несколько грубых баллад, которые ничего не доказывают, кроме того, что их создали» [9, р. XII]. Антикварий не оспаривал, что в Англии действительно существовал класс людей, напоминающий «менестрелей», однако пришел к выводу, что на ранних этапах это слово не применялось к тем, кто соединял в своем творчестве искусство поэзии с музыкой. Основная претензия Ритсона к Перси сводилась к тому, что не следовало недооценивать французское влияние на культуру английских менестрелей и вольно домысливать исторические факты.

После публичного спора Ритсона и Перси анонимный обозреватель журнала «Критикал ревью» (*Critical Review*) представил писателя в карикатурном виде и обвинил его в ядовитых нападках на Перси, порожденных «самой постыдной и отвратительной злобой» [13, р. 49]. Впрочем, не все были готовы согласиться с этим мнением. На защиту Ритсона встал его друг – знаменитый журналист и политический философ Уильям Годвин (William Godwin, 1756–1836). В письме от 1801 г. он писал Ритсону: «Я часто слышал, как Вас обвиняли во вспыльчивости, но ввиду длительного общения, я не имею ни малейшего основания упрекнуть Вас в

этом отношении, я защищаю и всегда защищал Вас от обвинений со всей серьезностью и усердием» [8, р. LXXVIII].

«Более неразумным» участником этой полемики, по мнению Басдео, был Перси, крайне остро воспринявший критику и даже поссорившийся с теми друзьями, которые приняли сторону Ритсона в научном споре. В 1791 г. он поделился своим негодованием по поводу критических высказываний Ритсона с лондонским антикварием Джоном Пинкертоном. Пинкертон пообещал другу изучить этот вопрос и написать статью в «Критикал Ревью», разоблачающую ошибки антиквария, однако в процессе работы пришел к тем же выводам, что и Ритсон: в средневековый период в Англии менестрели не существовали как отдельный класс профессиональных музыкантов. Он написал заметку в «Критикал Ревью», в которой признал правоту Ритсона и опроверг доводы Перси. На этом дружеские отношения Перси и Пинкертона оборвались [1, р. 87].

Басдео отмечает, что, несмотря на критику идей Перси, Ритсон признавал поэтическую ценность его «Памятников старинной английской поэзии» (*Reliques of Ancient English Poetry*, 1765). В письме Джозефу Куперу Уолкеру 1789 г. он утверждал: «Я всегда был и остаюсь большим поклонником “Памятников” епископа Перси... и хотя я был убежден, что он не всегда был так скрупулезно внимателен к своим источникам, как того требовала работа, я буду очень рад найти свое мнение необоснованным и с готовностью признаю свою неправоту, если Вы будете столь любезны и расскажете мне об оригинальных источниках [древних манускриптах]» [8, р. 149].

И действительно, критикуя аргументы других ученых, Ритсон нередко признавал и свои ошибки, причем делал это как в личных письмах, так и публично – в журнальных заметках и отдельных публикациях. Примером этого может служить еще один спор Ритсона с коллегами по цеху. В 1783 г. он опубликовал небольшую работу «Критические и пояснительные замечания к тексту и примечаниям последнего издания Шекспира» (*Remarks Critical and Illustrative on the Text and Notes of the last Edition of Shakespeare*), в которой выявил многочисленные недостатки этого труда, осуществленного Сэмюэлем Джонсоном и Джорджем Стивенсом.

Претензия Ритсона к Джонсону и Стивенсу заключалась в том, что они опирались на старые, но не первые издания шекспировских текстов, и редактировали их без оглядки на первое фолио (1623). При каждом последующем переиздании пьесы Шекспира претерпевали значительные изменения, и редакторы, по мнению Ритсона, должны были устранить недочеты предшественников. Однако Джонсон и Стивенс, как показал в своей работе антикварий, работали со старыми публикациями, не сравнивая их с текстами из первого фолио: «Чему мы можем приписать такие необоснованные утверждения [Стивенса], как не лени и безрассудству? Ведь если бы гениальный писатель сравнил одну и ту же пьесу из старого и современного издания, он, должно быть, понял бы, что они не были тщательно сопоставлены, что старинные тексты не были корректно восстановлены...» [10, р. V].

Джонсон утверждал, что при подготовке издания они сверялись с первым фолио Шекспира, однако Ритсон публично оспорил это: «Примечания на следующих страницах докажут, что он [Джонсон] никогда не сопоставлял свой текст ни с одним из старинных фолио. <...> Верно и то, что он выбирал для чтения старые издания. Все предшественники [Джонсона] делали то же самое: но это не является сопоставлением» [10, р. III–IV]¹.

Как и ранее по отношению к работе Т. Перси, в «Замечаниях» Ритсон разобрал все ошибки и неточности, допущенные Джонсоном и Стивенсом, а пятью годами позже, в 1788 г., опубликовал дополнение к своему труду, где признал некоторые собственные ошибки и вместе с тем указал на новые недочеты издателей. Следует отметить, что Джонсон и Стивенс ознакомились с замечаниями Ритсона и учли их при издании пьес Шекспира в 1793 г.

На самом деле, как считает Басдео, выявляя недостатки чужих работ, Ритсон оказывал их авторам услугу [1, р. 89]. Кроме того, пусть он и выражался излишне прямолинейно, но едва ли был первым и уж точно не последним, кто критиковал в журналах труды коллег. Фактически по большей части обвинения в адрес

---

¹ Басдео не разделяет этого мнения Ритсона: на его взгляд, Джонсон действительно ознакомился с самыми ранними копиями произведений Шекспира, которые не были приняты во внимание предыдущими издателями [1, р. 75], и использовал их в работе.

Ритсона восходят к частной переписке ученых, чью деятельность Ритсон критиковал. Однако их мнения после смерти писателя были обнаружены и в конечном счете, как заключает Басдео, незаслуженно испортили его репутацию.

Нежелание ограничивать собственную свободу высказывания, особенно в вопросах исторического прошлого своей страны, корреспондирует, по мнению Басдео, с политическими взглядами Ритсона, которые окончательно сформировались к началу Великой французской революции. В четвертой главе Басдео прослеживает радикализацию политических воззрений Ритсона, рассматривая их в контексте избирательной системы, существовавшей в Англии в XVIII в., и участия Ритсона в политической жизни своей страны [1, р. 95–103]. В юности Ритсон был романтически настроенным якобитом – сторонником восстановления династии Стюартов на английском престоле, но постепенно взгляды его менялись, что видно по тому, как именно на протяжении 1780-х годов он время от времени в письмах комментировал политическую ситуацию в стране.

В Великобритании XVIII в. главенствовали две основные политические силы: торы и виги. И хотя старая партия торы, симпатизирующая якобитам, к 1760 г. распалась на несколько близких по взглядам к вигам групп, термин «торы» продолжал применяться к тем, кто поддерживал королевскую власть и верил в необходимость сильной монархии и англиканской церкви. Виги, напротив, подчеркивали необходимость ограниченной монархии, боролись за свободную торговлю внутри страны и, в сущности, были партией, представляющей интересы среднего класса. Ритсон горячо поддерживал Чарльза Джеймса Фокса (Charles James Fox, 1749–1806), лидера партии вигов. В 1787 г. он даже предсказывал крах страны, если Фокс не придет к власти (Басдео затрудняется предположить, что повлияло на мнение Ритсона в данном вопросе).

Антиганноверские взгляды Ритсона вскоре переросли в республиканские, и он пришел к идее революции, которая должна коренным образом преобразовать социальное устройство Великобритании. Это совпало по времени с Французской революцией, которую Ритсон с энтузиазмом приветствовал. В августе 1791 г. он вместе со своим другом У. Шилдом (William Shield) прибыл в Париж, и там его в первую очередь поразил уровень развития журна-

листки. И богатые, и бедные пристально следили за последними политическими новостями, которые освещались с разнообразных точек зрения. Раньше вся власть во Франции принадлежала королю и небольшой группе приближенных, которые контролировали все сферы общественной жизни, включая прессу. До 1789 г. газеты должны были получать королевскую лицензию, из-за чего подвергались жесткой цензуре. С созывом Генеральных штатов в мае 1789 г. для журналистов был создан официальный свод правил, и до 1799 г. успело появиться более тысячи новых газет и периодических изданий, в сложившейся политической обстановке неподконтрольных властям, и бесчисленное множество брошюр, выражающих любые политические настроения. Помимо свободы прессы Ритсону импонировала «Декларация прав человека», он сетовал на то, что в Великобритании нет ничего подобного. Однако в конечном счете опыт французской революции убедил его в том, что, перед тем как осуществлять социальные преобразования, британцам следует увериться в наличии у страны ресурсов, которые позволят пережить нелегкие времена.

Поэтому Ритсон избрал путь писателя, а не политического деятеля, сохранив при этом радикальный настрой. Он не создавал грандиозных политических трактатов, как его друг Уильям Годвин, проповедник либерализма и анархизма, или кумир Томас Пейн (Thomas Paine, 1737–1809), идеолог американской революции. Вместо того Ритсон подготовил книгу, впоследствии сделавшую его знаменитым, – «Робин Гуд: собрание всех древних стихов, песен и баллад, сохранившихся до наших дней» (*Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads, Now Extant Relative to That Celebrated English Outlaw: To Which are Prefixed Historical Anecdotes of His Life*, 1795).

До Ритсона в большинстве известных публике вариантов легенды Робин Гуд был представлен обычным вором и нередко комическим персонажем. В балладах XVII в. он выставлялся неумелым грабителем, который попадал в неприятности и вступал в драки с незнакомцами в лесу. В первой половине XVII в. в трудах первых биографов-криминалистов его образ приобрел зловещие черты. В третьем томе «Полной истории самых известных разбойников» (*A Complete History of the Most Notorious Highwaymen*, 1719) Александра Смита (Alexander Smith, 1714–1726) Робин Гуд

изображен жестоким убийцей и воров. Немного позже его упоминает Чарльз Джонсон (Charles Johnson, годы жизни неизвестны) в труде «Жизнеописания и поступки самых известных разбойников» (*Lives and Actions of the Most Noted Highwaymen*, 1734). Смит полагал, что Робин Гуд был воспитан в семье мясника, вследствие чего в нем развились порочные наклонности. Робин не продолжил дело отца, а вместо этого возглавил банду грабителей. Джонсон вслед за Смитом утверждает, что Робин Гуд должен был стать мясником, но присущая ему тяга к бродяжничеству вызвала у него отвращение к этой трудоемкой работе. Несмотря на то, что ни один из биографов-криминалистов не называет Робина Гуда торговцем мясом, это не отменяет негативных коннотаций, связанных с данной профессией. Робин Гуд выставлялся в этих трудах жестоким и безжалостным, порочным по своей природе человеком, обреченным вести бродячий образ жизни, скитаясь в лесах, склонным учинять жестокие расправы над жертвами, что делало его похожим на лесных зверей.

Ритсон взял за основу старые легенды о Робине Гуде, но коренным образом переосмыслил его фигуру. Благодаря антикварию, а затем и Вальтеру Скотту, Робин Гуд вошел в культуру в качестве революционного борца за свободу. Анализу ритсоновского собрания отведена пятая глава книги Басдео.

Ритсон опубликовал все доступные ему версии баллад о Робине Гуде, включая четыре самых ранних источника, которые прежде оставались вне поля зрения ученых: «Приключения Робина Гуда» (*A Gest of Robyn Hode*, 1495 г.), которую Ритсон, вероятно, записал еще в 1782 г., когда посетил библиотеку Кембриджского университета, «Робин Гуд и гончар» (*Robin Hood and the Potter*, 1468 г.), «Правдивая история о Робине Гуде» (*A True Tale of Robin Hood*, 1632 г.) и «Робин Гуд и Гай Гисборн» (*Robin Hood and Guy of Gisborne*)¹. Кроме того, он посетил все архивы Англии, собирая любые обрывки информации, так или иначе относящиеся к фигуре легендарного разбойника. На этой основе он составил полную биографию Робина Гуда.

Робин Гуд родился около 1160 г. В юности он отличался своенравием, вел распутный образ жизни, из-за чего потерял

---

¹ Последняя баллада была впервые опубликована в «Памятниках» Перси.

наследство, влез в долги и был приговорен к заключению. Он бежал от правосудия и был вынужден скрываться в лесу. Так он стал разбойником, обреченным на вечную борьбу за выживание. Сведений о смерти Робина Гуда осталось немного, поэтому Ритсон, основываясь на балладе 1247 г. «Смерть Робина Гуда» (*Robin Hood's Death*), предполагает, что в старости он заболел и обратился к своей двоюродной сестре, настоятельнице монастыря в Кирклизе с просьбой сделать ему кровопускание. Однако настоятельница в сговоре со своим любовником сэром Роджером Донкастерским выпустила Робину Гуду всю кровь, тем самым убив его. Примечательно, что в работе Смита монахиня не подвергается порицанию: смерть Робина Гуда в монастыре интерпретируется как божья кара за его многочисленные преступления и пролитую им чужую кровь.

Сам Ритсон рисует моральный облик разбойника совсем иначе: «Он был деятельным, смелым, предусмотрительным, терпеливым, обладал необыкновенной физической силой <...> был справедливым, щедрым, доброжелательным, верным и любимым или почитаемым своими последователями. <...> Священник Фордун превозносит его благочестие, а благочестие для священников считается вершиной добродетели» [11, р. XII]. В то время как более ранние биографы использовали историю Робина Гуда для того, чтобы напомнить читателям о последствиях греховной жизни, у Ритсона его жизнь стала символом противостояния тирании. В этом, по мнению Басдео, сказались политические взгляды Ритсона. Для него Робин Гуд – это преступник и в то же время борец за свободу, который «бросил вызов королям, судьям и должностным лицам» [1, р. 123]. Он предстает перед читателями как поистине героическая фигура: «[Робин Гуд] был человеком, который в эпоху варварства и в условиях жестокой тирании стал выразителем духа свободы и независимости, и это снискало ему расположение простых людей, дело которых он отстаивал (ибо всякая оппозиция тирании есть дело народа)» [ibid.].

В ранних балладах Робин Гуд был йоменом, в большинстве поздних произведений его называли графом Хантингдонским. Ритсон в примечаниях к тексту подробно обсуждает вопрос о социальном статусе своего героя и приходит к выводу, что за неимением полной информации невозможно с точностью говорить о

наличии титула у Робина Гуда. Его социальное происхождение не имело значения для таких писателей, как упомянутые выше А. Смит и Ч. Джонсон, поскольку в XVIII в. преступность не ассоциировалась с конкретным социальным классом: в силу первоуродного греха человек любого происхождения считался способным на преступление.

Для атеиста Ритсона, чьи годы жизни пришлись на рубеж веков, происхождение Робина Гуда, напротив, имело важное значение. Критически изучив собранные материалы, писатель убедился в том, что разбойник обладал «благородством», а следовательно, получил благородное воспитание. В своем труде он изобразил Робина Гуда лордом и последнюю часть его жизнеописания основал на балладе «Приключения Робина Гуда», в финале которой протагонист присоединяется к королевскому двору. Такой сюжетный поворот антикварий счел вполне возможным с исторической точки зрения.

По мнению С. Басдео, это допущение Ритсона определяется его собственным жизненным опытом и политическими симпатиями: бунты в 1780 г., свидетелем которых он стал, организовал и возглавил лорд Джордж Гордон [1, р. 128]. В известной степени под средневековыми легендами Ритсон скрывает свое собственное высказывание о политической ситуации в Англии рубежа XVIII–XIX вв., которая представлялась ему ареной столкновения между добром и злом, тиранией и свободой.

Хотя интерпретация Ритсона возникла в начале эпохи романтизма, когда писатели и художники заинтересовались средневековой культурой, образ справедливого, независимого Робина Гуда, по мнению Басдео, опирается на неоклассицистические идеалы гражданской добродетели, дополненные стремлением к равенству всех граждан [1, р. 124]. Это отвечало, по мнению исследователя, «пейнистскому»¹ радикализму Ритсона. В сущности, Робин Гуд, каким его рисовал Ритсон, был убежденным революционером, вставшим на сторону народа, его гражданская добродетель выражалась в ясной социальной миссии [1, р. 132].

---

¹ Томас Пейн различал две формы государства – «старая» (монархическая) и «новая» (республиканская). Первая основывалась на принципе наследования власти, вторая предполагала процедуру выборов. Пейн считал, что наследственная передача власти несправедлива и неизбежно сводится к тирании.

Заключительная глава исследования Басдео посвящена последним годам жизни Ритсона, судьбе и влиянию его труда на писателей XIX в., например, В. Скотта или Р. Саути, социалистических активистов и кинематографистов XX в.

Собрание Ритсона на протяжении XIX в. переиздавалось 15 раз. По его примеру и другие антикварианты стали собирать не вошедшие в ритсоновское издание баллады. Джон Мэтью Гатч (John Mathew Gutch, 1776–1861) опубликовал в 1847 г. труд под названием «Малая жеста о Робине Гуде» (*A Lytell Geste of Robin Hode*), который по замыслу походил на работу Ритсона, но, в отличие от нее, был ориентирован на научные круги, а не широкую аудиторию.

В поздневикторианской Британии возникло новое радикальное движение, поставившее своей целью создание бесклассового и демократического общества. В нем участвовали интеллектуалы-социалисты, в том числе художник и писатель Уильям Моррис (William Morris, 1834–1896), в чьих работах появляется образ ритсоновского Робина Гуда. Особенно сильно влияние идей антикварианта чувствуется в новелле Морриса «Сон Джона Болла» (*A Dream of John Ball*, 1888), которая публиковалась в социалистической газете *Commonweal* с 13 ноября 1886 г. по 22 января 1887 г.

Моррис сближает Джона Болла с образом ритсоновского Робина Гуда в начале новеллы, когда главный герой, путешественник во времени, переносится из XIX в. в XIV в. Первым делом он зашел в таверну и услышал, как местные жители поют: «...посох Робина Гуда / может быть, он приблизит появление того, о ком я знаю» [5, р. 17]. Затем раздается звон церковных колоколов, и все присутствующие выходят на улицу. Один из местных подходит к путешественнику и спрашивает: «Не правда ли, брат, я говорил, что Робин Гуд должен привести к нам Джона Болла?» [5, р. 18]. По определению Басдео, Моррис таким образом изобразил «ритсонянца-революционера» Робина Гуда [1, р. 170], образно прокладывающего путь для идеологии радикального проповедника Джона Болла и Крестьянского восстания – события, по мнению Морриса, знаменующего появление социалистической идеологии в Англии.

Британские фольклористы конца XIX в., например Сесил Шарп (Cecil Sharpe, 1859–1924) и Фрэнсис Джеймс Чайлд (Francis James Child, 1825–1896), также активно издавали собрания народных песен и баллад о Робине Гуде. Однако, анализируя баллады,

Чайлд не соглашался с Ритсоном и утверждал, что образ знаменитого разбойника не имел никакой политической окраски.

В кинематографе XX–XXI вв. неоднократно появлялся образ Робина Гуда. Эррол Флинн сыграл знаменитого разбойника в фильме Майкла Кёртиса и Уильяма Кейли «Приключения Робина Гуда» (1938). Подобно тому, как в собрании Ритсона нашли отражение политические и социальные проблемы 1790-х годов, этот фильм критиковал либеральный капитализм и поддерживал политику Ф.Д. Рузвельта после Великой депрессии 1930-х годов. Черты «ритсоновского Робина Гуда» можно обнаружить в героях таких фильмов, как «Робин Гуд: Принц воров» (1991)¹, «Робин Гуд» (2010)² и «Робин Гуд: Начало» (2018).

В книге Басдео образ Джозефа Ритсона обретает цельность. Он показан и как пылкий антикварий, исследователь литературы в поисках научной истины, и как суровый, придирчивый критик, и, наконец, как защитник свободы, идеи которого повлияли на последующие поколения писателей и кинематографистов. С фактографической стороны данная биография в немалой степени опирается на труды предшественников и практически не предлагает нового материала. Вместе с тем Басдео удалось органично встроить образ Ритсона в культурный контекст рубежа XVIII–XIX вв. Рассматривая социальное положение и политические воззрения писателя, исследователь обращается к истории Великобритании, подробно излагает предпосылки и тезисы новой политической теории, возникшей в эпоху Просвещения. Эти детали делают книгу Басдео доступной и полезной для широкой аудитории, хотя специалистам она может показаться несколько поверхностной. В ней Басдео, скорее, выступает популяризатором наследия Ритсона и обосновывает необходимость дальнейших исследований его творчества.

Список литературы

1. Басдео С. Открывая Робина Гуда : жизнь Джозефа Ритсона – джентльмена, ученого и революционера. Basdeo S. Discovering Robin Hood : the life of Joseph Ritson – gentleman, scholar and revolutionary. – Barnsley : Pen & sword history, 2021. – 264 p.

---

¹ В главной роли – Кевин Костнер.

² С Расселом Кроу в роли Робин Гуда.

2. Бёрд Х.А. Джозеф Ритсон, критическая биография.
Burd H.A. Joseph Ritson, a critical biography. – Urbana : Illinois press, 1916. – 224 p.
3. Бронсон Б. Джозеф Ритсон, воинствующий ученый.
Bronson B. Joseph Ritson, scholar-at-arms. – Berkeley : California univ. press, 1938. – 819 p.
4. МакНат Ж.Т. Джозеф Ритсон и публикации ранней английской литературы.
McNutt G.T. Joseph Ritson and the publication of early English literature. – Edinburgh : Univ. of Edinburgh, 2018. – 311 p.
5. Моррис У. Сон Джона Болла и урок короля.
Morris W. A dream of John Ball and a king's lesson. – London : Reeves & Turner, 1888. – 123 p.
6. Мортон Т. Шелли и революция вкуса : тело и природа.
Morton T. Shelley and the revolution in taste : the body and the natural world. – Cambridge : Cambridge univ. press, 1994. – 316 p.
7. Мэтьюс Д. Создание среднеанглийского языка.
Matthews D. The making of middle English, 1765–1910. – Minneapolis : Minnesota univ. press, 1999. – 231 p.
8. Письма Джозефа Ритсона.
The letters of Joseph Ritson / ed. by Frank J., Nicolas H. – London : William Pickering, 1833. – 224 p.
9. Ритсон Дж. Древние песни и баллады, от времен короля Генриха II до Революции.
Ritson J. Ancient songs and ballads, from the reign of King Henry the second to the Revolution. – London : Payne and Foss, 1829. – 169 p.
10. Ритсон Дж. Критические и пояснительные замечания к тексту и примечаниям последнего издания Шекспира.
Ritson J. Remarks, critical and illustrative, on the text and notes of the last edition of Shakspeare. – London : J. Johnson, 1783. – 240 p.
11. Ритсон Дж. Робин Гуд : собрание всех древних стихов, песен и баллад, сохранившихся до наших дней, относящихся к этому знаменитому английскому преступнику, которым предпосланы исторические анекдоты о его жизни.
Ritson J. Robin Hood : a collection of all the ancient poems, songs, and ballads, now extant, relative to that celebrated English outlaw: to which are prefixed historical anecdotes of his life. – London : T. Egerton, Whitehall and J. Johnson, 1795. – 488 p.
12. Хаслвуд Дж. Некоторые сведения о жизни и публикациях покойного Джозефа Ритсона, эсквайра.
Haslewood J. Some account of the life and publications of the late Joseph Ritson, esq. – London : R. Triphook, 1824. – 70 p.
13. Шотландские песни.
[Anonimus]. Scottish songs // The critical review. – 1795. – N 1. – P. 49–58.